

Муниципальный этап олимпиады для учеников 9-11 класса состоит из **одного аналитического задания** (с опорой на предложенные направления для анализа; время выполнения **3,5 астрономических часа**, максимальный балл – **70**) и **одного творческого задания** (время выполнения – **1,5 астрономических часа**, максимальный балл – **30**). Внутри общего времени (5 астрономических часов) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. **Максимальный общий балл** за работу – **100 баллов** (аналитическое задание – 70 баллов, творческое задание – 30 баллов).

10 класс

Аналитическое задание.

Участнику олимпиады предлагается провести целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического. Выбор типа текста – право ученика.

Проза: Выполните целостный анализ произведения *К. Воробьева «Первое письмо»*, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности повествовательной структуры (на чью точку зрения сориентировано повествование?), особенности внешнего облика персонажей и их речевого портрета, своеобразие «местного колорита», назначение авторского размышления. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Прошлым летом я жил в Лосевке — дачной деревне из полутора десятков домов, притаившихся на опушке знаменитой в нашем краю пущи. Хозяин, у которого я снимал жильё, числился в артели надомным сапожником, зачем-то притворялся хворым и душевным человеком. У него были разноцветные глаза — один голубой, а другой карий. Голубой обливал лаской, карий — злобой. Просыпался хозяин чуть свет, шел в одном белье в палисадник, просовывал голову в окно моей комнаты и, опасливо трогая клавиатуру пишущей машинки, сиповатым со сна голосом спрашивал:

— Уже маракуете?

— Тружусь, Адам Егорович,— коротко отвечал я, но это не сообщало ему уважения к моему занятию. Он тихонько хихикал и подмигивал темноватым глазом, будто намекал на что-то скверное, что я только что украдкой сделал, а он подглядел. Потом вытирал глаза, хотя оставались они сухими и хитровато настроженными, и в десятый раз допытывался:

— И, говорите, платят за это? Уд-дивительно! На чем только городские не поддедюливают!..

Я сразу припоминал косячки на своих ботинках — Адам Егорович взял с меня за них шесть рублей вместо одного, и мне хотелось сказать ему нечто определенно твердое, но сознание, что Адам Егорович — хозяин, удерживало меня от этого.

Так нас заставляло солнце. Хозяин уходил одеваться, но в палисадник вбегал восьмилетний дачник — мой сосед. Он зарывался в анютины глазки и толстым голосом вопил: «Не хочу-у!» Простоволосая мамаша протягивала к нему сквозь изгородь яйцо и моляще грозил:

— Выпей третью, говорю! Выпей и не вынимай из меня последнее сердце!

На крик являлся Адам Егорович. Он начинал подсчитывать смятые головки цветов, и мне приходилось отправляться в лес...

Верстах в четырех от Лосевки я знал одно дремучее место. Там постоянно таился сумрак и прядали одряхлевшие вороны. Между седыми соснами большие пауки ткали липкие тугие сети. Длинные пегие ящерицы непуганно шныряли по земле, и временами что-то непутево ухало на дне низины, у протекавшего там ручья. Я приходил сюда с ружьем — для бодрости — и с корзинкой для боровиков: росли они тут сильные, коричневые, плотные. Чтобы не озираться то и дело по сторонам и слышать хоть что-нибудь живое, приходилось петь. В памяти тогда почему-то всплывали одни боевые мелодии, вроде того,

что «Нас не трогай, мы не тронем». Но даже вдвоем с песней трудно было оставаться в этой глухомани более получаса: хотелось поскорее выйти к солнцу, к птичьим голосам, к жизни.

В этом месте, у подножия исполинского дуба, я нашел однажды великолепный белый гриб, а рядом с ним — сухую ветку с красным лоскутком ветоши. Ни того, ни другого я не коснулся и прошел мимо, но чуть поодаль обнаружил еще два гриба под такими же флажками.

Тогда мною овладело не совсем приятное чувство: я никогда никого не встречал здесь, и заметки над грибами казались странными. Словом, я не захотел взять эти грибы, потолковав сам с собой так: «Мало ли кому и для чего понадобилось примечать их тут!»

Отойдя метров тридцать от дуба, я сел под лохматую ель завтракать. В лесу стояла гнетущая тишина, пахло тленом, смолой и сыростью, и от всего этого охотно верилось в сказочную бабу-ягу и разную иную чертовщину. Дуб и зафлаженные грибы оказались у меня за спиной, и это было почему-то неприятно. Я стал оборачиваться к ним лицом, и в это мгновение в лесу метнулся и повис высокий, почти пронзительный детский голос:

Дор-рогая подруж-женька,
Дор-рогая моя подруж-жка!..

Это было так неожиданно и так тесно связывалось с моим лесным настроением, что я выронил хлеб и схватил ружье. У дуба что-то мелькнуло и пропало и на той же ноте, с той же напряженной страстное снова прозвенел голос:

Дор-рогая подруж-женька,
Дор-рогая моя подруж-жка!

Я отставил ружье,— пел обыкновенный мальчик, которого я еще не видел, но уже знал, зачем он кличет эту свою «подружку»: в голосе бились неприкрытый испуг, удивление, задор и еще что-то такое, больше похожее на крик о помощи, чем на радость.

И тут я увидел певца — коренастого мальчугана в длинном, не своем, видать, пиджаке, с большой плетёной корзинкой в левой руке и с палкой в правой. Он быстро собрал зафлаженные грибы, сунул красные лоскутки в карман, повел бледным лицом по сторонам и снова прокричал свою песню — опять эти полкуплета,— больше, наверно, не знал.

Он не замечал меня, а я хорошо видел его из своего укрытия. В песне у него участвовали только губы и голос, а глаза не моргали, стерегли пространство, и оттопыренные лопушки ушей ловили малейший шорох и звук.

Я выждал, пока он отошел подалее, и под его «подружку», чтобы скрыть треск валежника и не испугать человека, отделился от дерева и негромко запел колыбельную Моцарта. В песенке этой много ласковых слов и мирных созвучий.

Расчет был верный. Услышав мой голос, юный грибник неторопливо оглянулся, спокойно подтянул штаны и как-то бочком-бочком пошел ко мне на сближение

И вот мы идем рядом. Белая голова незнакомца достает мне до пояса. Из-под длинноватых штанин у него змеренно выныривают короткие квадратные ступни уютно тонут во мху и в сосновых иглах. Парень явно обрадовался встрече и моему ружью, но он из молчаливых, из тех, чьи мысли не разгадаешь сразу.

— Давай-ка, брат, познакомимся,— предложил я и назвал свое имя.— Наверное, тебя тоже как-нибудь зовут?

— Василием зовут, Трофимычем,— баском сообщил спутник и тут же заметил маленький боровик, взбугривший упругой шляпкой пяточок песчаной земли у нас под ногами.

— Тебе везет, Трофимыч! — шутливо сказал я, а он длинно поглядел на меня круглыми, серыми глазами, длинно и застенчиво улыбнулся чему-то и нехотя достал из кармана красный лоскутик.

— Замечу. Пускай подрастет немножко...

Я заглянул в его корзинку и не увидел там мелких грибов. Раскрывалась, пожалуй, загадка с флажками,— Трофимыч был, видать, мужик хозяйственный и с мелочью возиться не хотел.

— Так это твои грибы росли вон под тем дубом? — спросил я.

— Мои,— почему-то невесело признался Трофимыч и поинтересовался: — А что ж ты не взял их, раз нашел? Тут беляков много. Хватит на двоих.

— Да разве, кроме нас, сюда никто не ходит? — притворился я удивленным.

— Нет,— коротко сказал Трофимыч и через несколько шагов пояснил: — Далеко очень. И буклы боятся.

— Какой буклы? — не понял я.

— Серой. Я ее видел. Мырнет головой в воду и как букнет! А сама аж больше меня и на двух лапах. Может, стрельнем, чтоб знали?

— Кто?

— А все,— ответил Трофимыч и кивнул на низину. Я поглядел туда и понял: попугать надо все, чего он тут боялся,— голубой сумрак, тишину, мшистые коряги, красную плесень и таинственную буклу. Откровенно говоря, мне и самому захотелось пострадать все это, и выстрелил сразу из обоих стволов.

— Будут теперь знать!— убежденно сказал Трофимыч.

Домой мы возвращались вместе: Трофимыч, оказывается, был жителем Лосевки. Глядя себе под ноги, он сообщил, что отца его прибила в позапрошлом году гроза, мать работает под городом на лесозаводе и что осенью он в первый раз пойдет в школу.

— А ты... нешто дачник? — вдруг спросил Трофимыч и поднял на меня глаза. В их ожидании скрывалась какая-то откровенно ревнивая надежда, но я не разгадал ее и ответил утвердительно.— А-а...— отозвался Трофимыч, и мне показалось, что он ускорил шаги.

Чем дальше уходили мы от сумрачной пади, тем отчужденней становился Трофимыч: у него пропал ко мне всякий интерес. Я ломал голову над причиной такой резкой перемены и в конце концов решил, что дело тут в близости деревни: в лесу Трофимыч приласкался ко мне от страха. Это было немного обидно, но все же я сказал:

— А буклы ты зря боишься. Это выпь, птица такая, из породы цапель.

— Птички по-бычиному не кричат,— резонно ответил Трофимыч и свернул к лосевским огородам.

А вечером я увидел его снова. Он шел куда-то вдоль улицы, то и дело поглядывая на красный закат, и что-то соображал. Над дорогой плавала розовая пыль, взбитая велосипедами дачных ребятишек, в небе копнились прожаренные за день облака, и во дворах оглушительно кричали дачные петухи, привязанные ситцевыми лентами за ноги: откармливались.

Мой юный сосед, не желавший по утрам пить третье яйцо, вечерами катался на «Орленке», что-то пел под Утесова и никому не уступал дороги. Не дал он ее и Трофимычу, и когда тот шагнул вправо, туда же, еще издали, повернул и дачник, неистово работая звонком и педалями. Трофимыч кинулся тогда влево, цепко следя за передним колесом велосипеда; оно вместе песней стремительно накатывалось прямо на него. Все остальное уместилось в одну секунду: Трофимыч прирос к дороге, сжался, напряжился, а когда велосипед оказался от него в двух пядях, отпрыгнул в сторону и каким-то судорожным толчком рта гневно и коротко крикнул что-то дачнику.

Дальнейшие события разыгрались так: мой дачный сосед лежал в пыли рядом с велосипедом и не хотел вставать. Из отверстого рта его тек густой рев, а из носа — то, что в Лосевке зовут юшкой. Адам Егорович крепко держал за руку Трофимыча, хотя тот не

пытался бежать и только временами поглядывал на закат: видно, торопился куда-то. Мамаша дачника шелестела над ним китайским халатом и умоляла меня позвать милицию.

— Скажите, она имеется тут или нет? Он же толкнул ребенка! Слышите? Толкнул...

— Я его не толкал,— без надежды на то, что ему поверят, сказал Трофимыч.— Он сам все время задавливал меня... И нынче тоже. А я только гавкнул на него. Всего-навсего раз...

— Вы слышали? Он на него гавкнул! Как вам это нравится? Он же мог убить ребенка до смерти! Идите и позовите сельсовет, если в этой дыре нет милиции.

— Не надо сельсовета,— вежливо сказал я женщине.

— А что же, по-вашему, надо? — изумилась она.

— Выпороть. Вашего сына...

Больше мне не удалось сказать ей ни одного слова: дама в китайском халате умела говорить такое, чего не умел я. Когда она ушла, волоча за собой упирающегося сына, я предложил Адаму Егоровичу освободить руку Трофимыча.

— А мне думается,— возразил он,— что его лучше поучить пять минут хворостинной сейчас, чем в совершеннолетие пятью годами по указу, а?

— А вы бы поучили дачника,— в тон ему предложил я,— он ведь у вас каждое утро цветы мнет.

— То дело не по мне,— каким-то скучным голосом отозвался Адам Егорович.— У него папаша на «Победе» ездит, пускай и учит.

Уходя, Трофимыч пытливо взглянул на меня и то улыбнулся длинно и загадочно.

В сумерках наступившей ночи я сидел в палисаднике и вдруг услышал на дороге чьи-то шаги и голос Трофимыча:

— ...а грибы не жарил. Масло взяло и разлилось. Да ты не горюй! Завтра ж у нас с тобой получка...

Я выглянул из-за плетня. Трофимыч шел с маленькой женщиной, в одной руке держал ее руку, а в другой — небольшую вязанку ослепительно белых в ночном мраке щепок. После в улице долго плавал терпкий запах скипидара и еще чего-то такого чистого и свежего, чему я не знал названия...

Несколько дней после этого я не встречал Трофимыча, и вдруг однажды утром он явился ко мне сам. Остановившись у дверей, он сперва стащил с головы выдавший виды картузик, потом уже сказал:

— А я картошку окучивал. Только вчерась управился... Может, сходим опять туда за беляками? Там теперь страстьросло их!..

Говорил он отдельно и четко, напирая на «р», отчего речь его приобретала какой-то особенно вдумчивый смысл.

Я заторопился в сборах, а Трофимыч осторожно присел на диван, незаметно качнулся на пружинах, незаметно изобразил на лице «ишь ты», затем стал разглядывать пишущую машинку.

У меня давно хранились охотничьи сосиски и так подсохли, что издавали костяной звук, когда я завертывал их в газету.

— Чтой-то? — удивился Трофимыч.

— Сосиски,— сказал я.— Вкусные. Никогда не пробовал?

— Мамка приносила раз, да только они не такие были, те мягкие,— сказал он и сглотнул.

Тогда я решил сперва позавтракать, а потом уже идти, но Трофимыч отодвинулся от стола, спрятав руки между коленами и заявил:

— Не буду... Это нехорошо.

— Что? — не понял я.

— Есть у чужих.

— Ну,— смешался я,— мы же с тобой не чужие. Мы ведь друзья.

— Все одно нехорошо,— стоял он на своем, а я подумал: «Ну, подожди до леса. Там я с тобой слажу!»

Перед самым отходом я показал Трофимычу снимок выпи. Он взглянул на картинку и сразу признал:

— Букла! Вот же гадость, зря только пужала! Ну, теперь все! Теперь там остался один что ни на есть волк. Я его тоже видал, изблизи прямо.

— Напугался, небось?

— А у него у самого из одного глаза слезы капали. И ключья на боках висели. Болел, должно, чем...

Грибов и в самом деле narosло страсть. Мы быстро наполнили свои корзинки, постреляли из ружья, потом сели завтракать. И тут мне впервые привелось увидеть, как можно красиво и умно есть! Неторопливо и плавно Трофимыч взял правой рукой хлеб, бережно оглядел его и бережно откусил — немного. С первого и до последнего глотка он не положил рук на колени, держал хлеб и сосиски на весу, молчал, не спешил, не чавкал. Он ел, словно тихо беседовал с незримым и большим своим другом, к которому у него много уважения и хорошей любви.

Я сразу же подчинился его манере и тоже держал на весу хлеб и сосиски, молчал и в то же время гадал: откуда и отчего это в Трофимыче? От недостатка в доме еды? Но Трофимыч был крепкий и сильный, и на щеках у него лежал здоровый деревенский румянец. Не найдя причины, почему Трофимыч такой, а не этакий, я схватил его за голову и без слов прижал к себе. Он удивленно притаился, и вдруг на мои руки упали теплые и легкие слезинки: не осилил человек внезапной чужой ласки...

С каждым днем я все больше и крепче привязывался к Трофимычу, и дело дошло до того, что без него мне не думалось, не писалось, не жилось. Он, конечно, знал об этом, но держался по-прежнему ровно, значительно и серьезно. Мне доставляло большую радость то, с каким уважительным чувством наблюдал он процесс моей работы. Он мог часами сидеть и следить за мной издали, а однажды, когда я смял и выбросил под стол исчерканную кипу бумаг, внимательно спросил:

— Трудно?

— Трудно, Трофимыч,— благодарно признался я. Он поощрительно кивнул головой, подъехал ко мне на стуле и сказал:

— Зато знаешь, что? Зато, когда пройдет трудно, то... знаешь, как будет? Во как! — он развел вширь руками.— Аж смеяться ни про что захочешь!.. Вот нам с мамкой бывает все трудно и трудно, а как получим получку, да как поедем в кино, и как наемся я там морожено, аж щекотно!.. А потом опять трудно, а там сызнава приходит нетрудное. Так всегда и живем с нею...

Мои встречи с Трофимычем почему-то не нравились Адаму Егоровичу. Несколько дней он подозрительно поглядывал на нас через окно, потом как-то спросил меня:

— Учите, что ли, его чему? Вы не ахти приручайте сироту к чужому дому. А то он разнохает тут ходы-выходы, а потом...

— Что же он сделает потом? — приподнялся я со стула.

— Сворует. Колодки, например.

Я назвал тогда Адама Егоровича не по имени и отчеству, а несколько иначе. Он прижмурил голубой глаз и вдруг прорвался площадной руганью.

...Вечером я уезжал из Лосевки. Трофимыч помогал мне грузить в машину книги, был грустен и задумчив, и я не мог объяснить ему причину своего преждевременного отъезда. Когда я, хорошо простясь с ним, сел в кабинку, он влез на подножку машины и приплюснул нос к стеклу дверцы.

— Я вот что придумал,— сказал он угрюмым баском — я тебе пришлю письмо. Как только выучусь осенью в школе, так и напишу. Ладно?

Дома я сколотил из фанеры ящик, вложил в него ученическую форму, букварь, пенал и карандаши и дней за десять до начала учебного года отнес посылку на почту. А первого

января посылка пришла назад. Я сорвал с ящика крышку и поверх ученической формы увидел косо налинованный лист из тетрадки.

Прямыми, широкими и ясными буквами — чувствовался его характер — Трофимыч писал:

«Посылаю сушеные грибы и мороженую рябину — целый пучок. Когда будешь есть, то выбирай рябинки, что наклеваны, они самые что ни на есть сладкие. Это их синицы не доели в лесу. А костюма не надо, мама говорит, что вся Лосевка станет плохое думать об нас да об тебе, а мы не хотим. Ты лучше приезжай сюда опятьошным летом и живи у нас за так, а мы себе загородку сделаем, доски уже есть. Приезжай».

Я долго и трудно искал редкие слова, чтобы достойно ответить Трофимычу на его первое в жизни письмо.

Поэзия: Выполните целостный анализ стихотворения Д. Кедрина «Грибоедов» приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: динамика переживаний лирического героя, историко-культурные и литературные ассоциации, соотношение визуальных и акустических деталей поэтической картины; связь названных реалий с мотивами произведения, особенности ритмической и синтаксической структуры текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Помыкает Паскевич,
Клевещет опальный Ермолов...
Что ж осталось ему?
Честолюбие, холод и злость.
От чиновных старух,
От язвительных светских уколов
Он в кибитке катит,
Опершись подбородком на трость.
На груди его орден.
Но, почестями опечален,
В спину ткнув ямщика,
Подбородок он прячет в фуляр.
Полно в прятки играть.
Чацкий он или только Молчалин —
Сей воитель в очках,
Прожектор,
Литератор,
Фигляр?
Прокляв английский клоб,
Нарядился в халат Чаадаев,
В сумасшедший колпак
И в моленной сидит, в бороде.
Дождик выровнял холмики
На островке Голодае,
Спят в земле декабристы,
И их отпевает... Фаддей!
От мечты о равенстве,
От фраз о свободе природы,
Узник Главного штаба,
Российским послом состоя,
Он катит к азиятам.
Взирать с Тегерана куруры,

Туркменчайским трактатом
Вколачивать ум в персиян.
Лишь упрятанный в ящик,
Всю горечь земную изведав,
Он вернется в Тифлис.
И, коня осадивший в грязи,
Некто спросит с коня:
— Что везете, друзья?»
— «Грибоеда.
Грибоеда везем!» —
Пробормочет лениво грузин.
Кто же в ящичке этом?
Ужели сей желчный скиталец?
Это тело смердит,
И торчит, указуя во тьму,
На нелепой дуэли
Нелепо простреленный палец
Длани, коей писалась
Комедия «Горе уму».
И покуда всклокоченный,
В сальной на воротах ризе,
Поп армянский кадит
Над разбитой его головой,
Большеглазая девочка
Ждет его в дальнем Тебризе,
Тяжко носит дитя
И не знает,
Что стала вдовой.

Творческое задание

Вы приняты стажером в редакцию популярного книжного издательства и получили первое задание. В виде эссе, рецензии (или в другом жанре – по выбору) напишите о читательских предпочтениях и запросах ваших сверстников и о роли книг на данном этапе читательского развития. Придумайте название для вашей публикации и укажите 8–10 произведений, иллюстрирующих ваши размышления.